

Фу Юй была богиней-создательницей этого мира.

В далекой древности боги, демоны и чудовища устроили смуту, неся гибель всему живому. Земли на западе стонали от горя, повсюду лежали горы трупов, и лишь благодаря своей величайшей божественной силе она положила конец войнам, принесла в смертный мир покой, и собственноручно создала эту тихую и безмятежную обитель — Мир Цветов.

Мир Цветов разительно отличался от представлений обывателей о высокомерной, окутанной клубами бессмертного тумана небесной обители. Он больше походил на затронутый мирской суетой уголок смертной земли. Здесь были деревеньки с поднимающимися к небу столбами дыма от очагов, простолюдины, что трудились от восхода до заката, а духовная энергия в горах, пусть и не слишком густая, была вполне достаточной, чтобы питать все живое и давать существам возможность жить в мире и покое.

Вот только люди не знали, что в самом Мире Цветов изначально таился исток Великого Дао бессмертия, просто те, кто рождался с духовными корнями, встречались лишь один на миллион. Большинство проживало тихую и пресную жизнь, даже не ведая, что такое врата бессмертных, а все истории о полетах в небесах и прохождении сквозь землю почитали за байки для вечерних посиделок за чашкой чаю — послушали и забыли.

Среди густых зеленых гор скромный маленький даосский храм тихо стоял в глубине облаков и туманов, словно отрешенный от мирской суеты.

Храм обветшал до предела, штукатурка на стенах давно облетела и покрылась пятнами, деревянные створки дверей от старости пожелтели и истерлись от времени. С первого взгляда становилось понятно, что это место уже давно прозябает в бедности, и даже подношений благовоний здесь собиралось жалкие крохи.

— Уа-уа-уа-уа-уа! —

Громкий и звонкий детский плач внезапно разорвал долгую тишину даосского храма, мягко раскатываясь по безмолвным горным лесам.

Ветхая входная дверь с со скрипом отворилась, и наружу высунулась пушистая макушка. Пятилетний Фан Цинву, протирая сонлавые глаза, всю затаил детским голосенком:

— Наставник! Наставник! У входа младенец!

— Мелкий сорванец, чего раскричался с самого утра?

Из глубин двора раздался глубокий и спокойный голос. Даос Цингуань неспешно вышел наружу. Его простая даосская ряса была выстирана добела, подол даже слегка потерялся, но манера держаться по-прежнему оставалась мягкой и благородной, неся в себе едва уловимый

налет отрешенности от мирского.

— Наставник, посмотри скорее! Прямо у порога! — Фан Цинву поспешно вытянул руку, указывая на землю перед входом, а его детское личико было сплошь покрыто удивлением.

Даос Цингуань опустил взгляд: на земле лежал пеленальный сверток, в котором мирно спал крошечный малыш. Ребенок выглядел словно выточенный из белого нефрита, черты лица были изящными, как у сошедшего с картины бессмертного дитя, и даже ткань пеленок оказалась нежной и мягкой, с изысканным узором — такое явно не могло принадлежать простолюдинам.

Цингуань присел на корточки, глядя на этого брошенного безо всякой причины у ворот храма ребенка, и тихо вздохнул:

— Какая напасть... Наш храм и так беден и разрушен лишний рот означает еще одну голодную пасть, теперь жить станет еще труднее.

И надо же было такому случиться: кроха, только что тихонько всхлипывавшая, увидев внезапно приблизившееся доброе лицо Цингуаня, вмиг утихла и вместо этого звонко рассмеялась, а ее нежные белые ручки легонько ухватились за его рукав, так трогательно и мягко, что сердце невольно растаяло.

Не выдержав уговоров и капризов Фан Цинву, который со слезами на глазах умолял приютить малыша, Цингуань в конце концов сдался и беспомощно покачал головой:

— Ладно, будь по-вашему. Еще одним ртом больше, еще одним меньше — вырастим, на всё воля небес.

Он протянул руки и бережно поднял ребенка с земли, стараясь делать всё так осторожно, чтобы ненароком не спугнуть. В этот момент из складок пеленок выпал маленький изящный полый золотой замок и со звонким стуком упал на землю.

Фан Цинву тут же наклонился, поднял его и принялся внимательно рассматривать крошечную вещицу в ладонке. Замок был простого старинного стиля, с тонкими узорами, а его сердцевина, казалось, была запечатана особым тайным методом — как ни старайся, открыть её не получалось. Лишь на самом дне замочка был четко и изящно выгравирован иероглиф «Цветок».

— Наставник! Смотри! Тут иероглиф «Цветок»!

Цингуань бросил взгляд на золотой замок, слегка кивнул, и в глубине его глаз мелькнула неуловимая задумчивость, а на сердце легло тайное подозрение.

В этот момент младенец на руках словно вспомнил о своих обидах и тихонько, жалобно

заплакал. Голосок был тонким, как птичий пух, отчего сердце снова сжалось от жалости.

Цингуань легко похлопал по пеленкам и мягко произвел:

— Цинву, иди в дом. Малышка, похоже, проголодалась, ступай к подножию горы к бабке Ван, попроси у нее свежего овечьего молока.

— Сей момент, наставник! Бегу!

Глаза Фан Цинву засияли. Крепко сжав в кулачке маленький золотой замок, он вихрем бросился вниз с горы. Его короткие ножки перебирали так быстро, что в мгновение ока он исчез за поворотом горной тропы, оставив позади лишь череду легких шагов.

Цингуань прижал к груди младенца и неспешно вошел в комнату. Взгляд скользнул по убогим столу и стульям, ветхому ложу, а в углу были свалены обрезки дерева для починки храма — на душе стало тоскливо.

Обитель и раньше жила впроголодь, питаясь лишь скудными урожаями с клочка земли да подаваниями деревенских жителей у подножия горы, а теперь, с появлением требующего кормления младенца, дни станут еще тяжелее.

Однако, глядя на тихого, с чистыми чертами лица ребенка на руках, он снова тихо вздохнул, а во взгляде промелькнула мягкость.

Раз уж по воле небес этот ребенок оказался у порога храма, значит, между ними суждено было завязаться неразрывной связи.

Раз растить — значит растить.

Тем временем у подножия горы.

Бабка Ван издалека услышала торопливые шаги, сопровождаемые звонким детским криком:

— Бабка Ван! Бабушка Ван! Одолжите овечьего молока!

Не успели замереть слова, как Фан Цинву уже стрелой влетел во двор. Его покрасневшее личико выражало крайнюю спешку.

— Дверь не заперта, заходи, — улыбнувшись, бабка Ван взяла фарфоровую пиалу и направилась к мирной овце, стоявшей в дальнем углу двора. По ходу дела она принялась подшучивать: — Твой наставник опять подобрал ребенка? Вы, братья, всех сирот в округе

собрали, а теперь еще один? Хорошо еще, что Цин У и Цин Фэн ушли набираться опыта в мир людей, иначе этот крошечный храм трещал бы по швам.

Фан Цинву почесал затылок, глуповато улыбаясь, а на его лице читалась гордость:

— Мне уже пять лет! Через одиннадцать лет я тоже смогу спуститься с горы для закалки! Тогда я смогу защищать наставника и малышку!

Получив пиалу, до краёв наполненную теплым овечьим молоком, он выпрямился и понес её обеими руками с величайшей осторожностью:

— Спасибо, бабушка Ван, я побежал!

— Беги аккуратнее, не пролей молоко! — мягко напутствовала бабушка Ван, стоя у порога. Глядя вслед понесшемуся со всех ног сорванцу, она лишь покачала головой, а в её глазах затаилась добрая улыбка.

Когда Цингуань только пришел сюда и обосновался, он был ростом с этого Цинву.

И вот в мгновение ока пролетело тринадцать лет.

А малютка, которую случайно подобрали в храме, еще не ведала о том, что ожидает впереди.

Оказавшись здесь, она упала не в простой смертный мир, а в самую сердцевину спавшей на протяжении десяти тысяч лет роковой предопределенности, способной переписать саму суть небесного порядка.

— Наставник! Наставник! Я вернулся!

Фан Цинву еще не успел переступить порог комнаты, как его звонкий голос вихрем влетел внутрь. Перебирая короткими ножками, он изо всех сил старался держать пиалу с теплым молоком ровно, чтобы не расплескать ни капли.

Дверь внутренней комнаты со скрипом отворилась, и Цинву с первого взгляда заметил наставника, сидевшего на краю кровати и нежно забавлявшегося с младенцем. Малышка не плакала и не шумела, лишь время от времени издавая мягкое, сладенькое гуление, от которого сердце таяло.

— Наставник, молоко подогрето! — Цинву осторожно протянул пиалу, сияя от переполнявшей его гордости. — Я только что на ходу подогрел его Огненным Талисманом! Получилось намного лучше, чем в прошлый раз!

Он задрал нос с видом знатока, ожидая похвалы.

— Хорошо-хорошо, наш Цинву вырос и становится все искуснее.

Улыбаясь, Цингуань взял пиалу, сначала проверил температуру и лишь затем понемногу начал поить малютку.

Кроха жадно глотала маленькими глотками, её брови разгладились, а вид был донельзя послушным.

Вскоре после этого Цинву принялся, и выражение его лица застыло:

— Наставник... чем-то пахло... Ой, погодите, она... она обкакалась!

Движения Цингуаня замерли. Переглянувшись, они оба поспешно отогнули краешек пеленок.

Увидев то, что скрывалось внутри, оба на мгновение замерли столбом, не в силах прийти в себя.

Цинву от души ущипнул себя за руку. Ощувив вполне реальную боль, он тупо поднял взгляд на наставника, а его голос зазвучал неуверенно:

— Наставник... я... у меня действительно появится младшая сестренка? Не младший брат?

Цингуань тоже помолчал с минуту, глухо угукнув в ответ, а в его голосе прозвучало едва уловимое тепло:

— Да, верно, это младшая сестра.

Громкий обиженный плач внезапно разорвал неловкую тишину между ними.

Взрослый и ребенок тут же засуетились, неуклюже отыскивая чистую ткань, протирая кожу и меняя пеленки. Цингуань держался еще более-менее сносно, а вот Фан Цинву от волнения покрылся испариной, стараясь даже дышать через раз, чтобы ненароком не сделать больно этому крошечному созданию.

Когда пеленки были заменены, малышка наконец полностью успокоилась, склонила головку и крепко заснула на руках у Цингуаня, а её длинные ресницы подрагивали, напоминая крошечные веера.

Цинву присел на корточки у кровати, не отрывая глаз следя за ней, а уголки его губ сами

собой поползли вверх в глуповатой и искренней улыбке.

— Наставник, она правда младшая сестра?

— Угу. — Цингуань тихонько похлопал по пеленкам, и его взгляд мягко опустился на тот самый маленький золотой замок, что тихо покоился на груди ребенка, где смутно угадывался выбитый иероглиф «Цветок». — С этих пор ты старший брат.

— Старший брат...

Цинву тихо повторил эти слова, и его глаза мгновенно засияли; чем больше он думал об этом, тем сильнее радовался, едва сдерживая улыбку.

Он резко выпятил грудь, сжал кулачки и произнес твердо и решительно:

— Наставник, обещаю! Я буду усердно заниматься и защищать младшую сестренку, никому не позволю её обидеть!

Цингуань, глядя на его напыщенный вид, уловил в глубине глаз легкое тепло.

Но это тепло едва успело вспыхнуть, как его тут же затянуло трудноуловимой печалью.

Он опустил голову на крепко спящего ребенка на руках и кончиком пальца легонько провел по поверхности золотого замка.

Он знал.

Это слово «старший брат», это слово «младшая сестра», эти простые и теплые дни в горной обители...

В конце концов, окажутся лишь мимолетной, нежной иллюзией в этом смертном мире.

Дни сменяли друг друга, и промелькнуло несколько лет.

Тот младенец из пеленок вырос в беленькую, опрятную и послушную девочку.

Наставник назвал её Фан Хуачао, поскольку на висевшем у неё на шее золотом замке был вырезан иероглиф «Цветок» — он говорил, что она похожа на распутившийся в горах цветочек, чистый и нежный.

Характер у Хуачао был мягким, но сама она обладала удивительной сметкой, сроднившись с травами и деревьями с самого рождения, словно питая к ним какую-то природную привязанность.

А старший брат Цинву оставался прежним: любил побеситься и пошалить, постоянно таская её за собой по горам — лазать по деревьям, ловить рыбу в ручьях и гоняться за бабочками, не позволяя никому обижать девочку.

Наставник Цингуань по-прежнему был немногословен, но всегда молча заботился о ней.

Когда она сидела в медитации, наставник бережно поправлял её одежду; когда она пыталась рисовать талисманы вместе со старшим братом, наставник незаметно помогал ей корректировать движения рук.

Со временем все позабыли, что она была подкинутой сиротой, почитая её за младшую сестренку, выросшую в стенах храма.

Лишь тот маленький золотой замок на шее неизменно оставался с ней, его никогда не снимали.

Замок по-прежнему не открывался, но порой, когда она погружалась в глубокий сон, он начинал источать еле заметное мягкое свечение, словно дремал или чего-то ждал.

В один прекрасный день Хуачао решила отлынивать от занятий и тайком убежала порезвиться на задний гор.

В её сердце таился небольшой секрет, о котором никто не знал:

Стоило ей приблизиться к тому самому бесплодному, безжизненному сухому лесу на задней горе, как сухие деревья тут же начинали выпускать свежие побеги, покрывались зеленой листвой и даже приносили сладкие плоды.

Она ловко забралась на толстую ветку, устроилась в самом удобном месте и сорвала сочную красную ягоду, откусив сразу половину.

— Ой, как вкусно! Никогда раньше не пробовала таких фруктов!

Сладковатый сок брызнул во рту, и её глазки от удовольствия превратились в лучистые полумесяцы.

Лежа на ветке под лучами солнца, с недоеденным фруктом во рту, она совершенно потеряла счет времени, пока заходящее солнце не окрасило небо в багровые тона. В этот момент она в

ужасе подскочила и кубарем скатилась с дерева.

— Беда, беда! Если наставник узнает, что я не занималась, а сбежала бездельничать, мне конец! Её брови нахмурились в искреннем испуге.

Торопливо сорвав еще два-три плода и прижав их к груди, она вихрем бросилась обратно в храм.

Добравшись до ворот, она остановилась, осторожно приоткрыла створку и заглянула внутрь.

Во дворе царила тишина, ни единой живой души.

Хуачао с облегчением выдохнула, на цыпочках проскользнула внутрь, радуясь про себя, что на этот раз пронесло.

Но не успела она сделать и двух шагов, как сзади повеяло легким давлением, словно кто-то молча просверливал её взглядом.

Она оцепенела, медленно повернулась и нос к носу столкнулась со стоящим неподалеку даосом Цингуанем.

Хуачао испуганно вздрогнула, а голос прозвучал жалобно:

— Э... кхе, на... наставник!

Она попыталась выдавить из себя кривую улыбку, пряча руки за спину:

— Ха-ха-ха, на самом деле я уже всё закончила, наставник, верите?

— Фан! Хуа! Чао!

Голос наставника не был громким, но в нем сквозила непреложная строгость.

Девочка втянула голову в плечи и умоляюще уставилась на стоявшего рядом Цинву, изображая на лице крайнюю степень раскаяния и беззвучно шевеля губами: старший брат, выручай!

Получив сигнал от младшей сестры, Цинву было открыл рот, но под суровым взглядом наставника тут же замолк. Он мог лишь сочувственно сжать губы и посмотреть на сестру извиняющимся взглядом: мол, тут я бессилен.

— Фан Хуачао, сегодня без ужина. Будет тебе урок.

— Слушаюсь... наставник, — уныло ответила Хуачао, опушив голову.

В следующее мгновение её глазки хитро блеснули, словно в голову пришла отличная идея.

Она тут же передала плоды старшему брату, подбежала к наставнику, виновато дергая его за рукав, и протянула ему один фрукт:

— Хе-хе-хе, наставник, откусите!

— Я правда больше не буду, наставник~ Я обещаю, что стану усердно медитировать и больше никогда не стану лениться, клянусь!

При этом она истово подняла три пальца, демонстрируя максимальную искренность.

Цинву тоже поспешил подключиться:

— Наставник, наставник, сестренка ведь осознала вину, простите её на этот раз, пожалуйста!

Цингуань посмотрел на эту парочку, опустил взгляд на протянутый красный фрукт, и уголки его губ чуть заметно дрогнули, хотя он тут же постарался сохранить суровый вид.

Взяв фрукт, он вздохнул:

— Знаю я вас. Ступайте отдыхать.

С этими словами он развернулся и зашагал прочь.

Хуачао с облегчением выдохнула и показала Цинву знак победы.

— Старший брат, ты настоящий друг! Держи награду — фрукт!

Цинву взял ягоду и откусил большой кусок, наслаждаясь взрывом сладкого сока.

Слабый, но теплый поток энергии бесшумно скользнул по горлу в тело. Не придавая этому особого значения, он между делом спросил:

— Мелкая, где ты сорвала этот фрукт? Такой сладкий!

— Да там же, в лесу на задней горе, их там полно!

Цинву озадаченно нахмурился:

— Быть того не может! Я столько лет здесь живу, задняя гора — сплошной сухостой, откуда там фрукты?

Видя, что брат ей не верит, Хуачао обиженно надулась:

— Ах ты мне не веришь! Завтра утром пойдем вместе, и сама увидишь, там всё ветки усыпаны!

Цинву замахал руками:

— Верю, верю, но только после того, как ты закончишь тренировку, иначе наставник снова накажет.

Хуачао показала язык и послушно кивнула.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, Цингуань поднял Хуачао на утреннюю медитацию.

Она послушно скрестила ноги на циновке, следуя за наставником в управлении дыханием и циркуляции ци. По мере того как её дыхание выравнивалось, кончики пальцев непроизвольно заискрились бледно-зеленым светом, и даже росшая у ног трава потянулась в её сторону.

Цинву неподалеку упражнялся с Огненными Талисманами. Листки бумаги вспыхивали от духовной силы, потрескивая, но совладать с пламенем у него никак не получалось: то огонь вспыхивал слишком быстро, то изгибался криво, из-за чего наставник то и дело поколачивал его по тыльной стороне ладони.

Прошел час благовоний. Цингуань закончил упражнение.

Он посмотрел на Хуачао, и в его глазах промелькнула мягкость, сменившаяся кивком:

— Сегодня дыхание намного стабильнее, продолжай в том же духе.

Цинву тут же подскочил, хвастливо выпячивая грудь:

— Наставник, я тоже занимался хорошо! Посмотрите на мои талисманы...

Не успел он договорить, как один лишь взгляд наставника заставил его заткнуться. Цинву виновато захлопнул рот.

Хуачао тихонько захихикала, легонько дернув брата за рукав. Её глаза сияли от предвкушения:

— Старший брат, теперь можно на заднюю гору?

Цинву шлепнул себя по лбу, вспомнив про вчерашний договор:

— Идем! Хочу сам посмотреть, что за чудо-лес такой, где на сухих деревьях фрукты растут.

Попрощавшись с наставником, они вихрем помчались к задней горе.

Младшая сестра бежала легко, а брат следовал за ней, всё еще испытывая сомнения.

Но едва переступив границу мертвого леса, Цинву остолбенел, вытаращив глаза.

Разве это было то безжизненное сухое место?

Прежние потрескавшиеся черные стволы сейчас покрылись свежими зелеными побегами, а ветви и листья шелестели от легкого ветерка. На сучьях висели спелые, круглые и красные плоды, источавшие густой сладкий аромат.

— О небеса...

Цинву протянул руку и осторожно коснулся коры: та была теплой и полной жизни, не оставляя и следа от былой мертвечности.

Хуачао гордо вскинула подбородок:

— Я же говорила! Не вредила я!

Она сорвала самый спелый фрукт и протянула брату, сияя улыбкой:

— Старший брат, попробуй, тот же вкус?

Цинву автоматически откусил кусок.

Сладость мгновенно заполнила рот, освежая точно так же, как вчера.

Он уставился на сестру, переполненный шоком и недоверием:

— Послушай, мелкая, кто же ты на самом деле?

Хуачао озадаченно склонила голову набок, искренне и лучезарно улыбаясь:

— Я же Фан Хуачао, и супер-милая младшая сестренка старшего брата, хэ-хэ.

Лучи солнца пробивались сквозь новорожденную листву, пятнами ложась на их фигуры, наполняя всё теплом и покоем.

Глядя на эту улыбающуюся девочку, Цинву вдруг отчетливо понял одно:

Она не похожа ни на него самого, ни на кого-либо в этом храме.

В ней скрывалась тайна, о которой она сама не догадывалась.

Но он ничего не стал расспрашивать, лишь протянул руку и потрепал её по макушке, произнося мягко и привычно:

— Конечно, ты самая милая младшая сестра. Пойдем, наберем еще пару штук, принесем наставнику попробовать.

Смеясь и болтая, они повернули обратно.

Но стоило им только выйти за пределы рощи, как густой и плодоносный лес мгновенно увял, превратившись в безжизненный сухостой, а все красные плоды пропали бесследно, словно эта жизнь и сладость существовали лишь ради неё одной.

Когда дети вернулись в храм с полными руками фруктов, даос Цингуань сушил во дворе целебные травы.

Цинву протянул самый красный плод, всё еще находясь под впечатлением:

— Наставник, попробуйте, это сестренка принесла с задней горы.

Цингуань взял фрукт, и едва его пальцы коснулись кожицы, он ощутил ту самую знакомую, мягкую жизненную силу.

Подняв глаза, он увидел Хуачао, которая с надеждой заглядывала ему в лицо.

— Наставник, они очень сладкие!

Цингуань надкусил мякоть: сладость растаяла на языке, в точности повторяя вкус первого духовного плода, выращенного много лет назад самой богиней Фу Юй.

подавив волнение в сердце, он спокойно произвел:

— И впрямь сладкие.

Цинву не утерпел:

— Наставник, а вы знаете? На задней горе как только сестренка туда ступила, все сухие деревья ожили и принесли плоды!

Цингуань сжал косточку в ладони, и в уголке глаза, скрытом от детей, легко щелкнул пальцами — косточка рассыпалась пылью зеленого света, впитываясь в почву.

Посмотрев на Хуачао, он сказал мягким голосом:

— Хуачао, ты и травы этого мира — одного корня.

— Одного корня? — девочка недоуменно наклонила голову.

Цинву почесал затылок:

— Наставник, это как?

Цингуань не стал вдаваться в объяснения, лишь потрепал Хуачао по голове:

— Чаще ходи на заднюю гору. Не обижай себя... и те травы тоже.

<http://bllate.org/book/20121/1989463>